

ЗИНА КУЗНЕЦОВА

Буря

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на обложке *Markass*

В оформлении авантитула использована иллюстрация

© MarinaTab / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кузнецова, Зина.

К89 Буря / Зина Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-203542-5

Старшеклассница Вера понятия не имеет, кто же она такая и чем хочет заниматься всю жизнь. После школьной новогодней вечеринки жизнь Веры переворачивается с ног на голову. Теперь к непростым жизненным вопросам добавились еще несколько: «Стоит ли влюбляться, если до окончания школы совсем чуть-чуть?» и «Что делать, если последний школьный вальс тебя поставили танцевать с лучшим другом твоего молодого человека, с которым ты никогда не могла найти общий язык?»

Надвигается буря...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кузнецова З., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203542-5

Из рая детского житя

Вы мне привет прощальный шлете...

М. И. Цветаева

Видео из Вериного архива:

— Вот Вера, она скрытый невротик, — говорит мужской голос за кадром.

— Я открытый. Ты снимаешь, что ли?

— Ага.

— Зачем?

— Для будущих поколений. Вер, а я тебе нравлюсь? Будущие поколения требуют ответа!

Часть 1

1

Я хорошо помню тот день. Человеческая память добра, ведь с течением времени картинки прошлого тускнеют, но именно тот день до сих пор заставляет мое тело холодеть от ужаса и мотать головой, чтобы поскорее начать думать о другом.

Стояло жаркое начало августа.

Закончился девятый класс.

Каникулы.

Я вся состояла из безмятежности и детского счастья.

Когда я открыла глаза в тот день, комнату заливало солнце. Простыня, которой накрывалась по ночам, сбилась в ногах. Родители ушли на работу. Впереди был целый день свободы.

Я повертелась в кровати и сладко потянулась.

Зазвонил домофон — это подруга Лена зашла вытащить меня погулять. Открыв ей, я убежала умываться.

Дверь в коридоре хлопнула, и я услышала:

— Ты еще дрыхнешь, что ли?

— Ага. Подожди, зубы почищу и пойдем. Поставь чайник пока.

Когда я вошла в кухню, Лена уже деловито нарезала колбасу. Две кружки с горячим чаем стояли на столе. Тогда мы любили пить чай сладким, и обе клали по три ложки сахара. Наскоро перекусив, мы быстро обулись и выбежали из квартиры.

А на улице — свобода! Тем летом мы обошли весь город — не осталось ни одного закоулочка, ни одной подворотни, где не отметились бы подошвы наших потрепанных конверсов.

И всегда во время прогулок мы забегали к нашим мальчикам, как мы их называли. Мой папа был директором спортивного стадиона, и мы с Леной любили посидеть на трибунах с гамбургерами и колой, глядя на тренировки. Так и подружился с парнями, которые занимались в футбольной секции. Мы прибежали к ним на тренировки, ждали окончания, о чем-то шутили, немного болтали и после вместе шли гулять.

В тот день мы тоже пришли на стадион с гамбургерами и колой, дождались окончания тренировки наших мальчиков и сыграли с ними в футбол. Я разодрала себе коленку, но была счастлива и беззаботна.

А потом, уставшие и раскрасневшиеся, мы добрались до набережной и просидели там до ве-

Буря

вчера, рассматривая водную гладь, покой которой нарушали только редкие утки. Один из наших мальчиков как-то смешно пошутил, и вот тогда-то, громко и от души рассмеявшись, я почувствовала что-то странное в животе, но отмахнулась: наверняка от смеха что-то.

Неприятные покальвания скоро переросли в боль, но я все так же легкомысленно решила, что нужно просто полежать, поэтому попрощалась с друзьями и осторожно, чуть горбясь, чтобы притупить боль, направилась домой.

Когда я добралась до квартиры, боль стала такой осязаемой, что я покрылась холодным потом и с облегчением опустилась на диван в зале. Чтобы лежать было веселее, включила телевизор и стала смотреть первый попавшийся канал.

Зазвонил домофон. Это папа пришел с работы. Я открыла ему дверь, сильно горбясь, потому что не могла разогнуться из-за боли.

— Что такое? — испугался он.

— Живот болит.

Я вернулась на диван. Папа встал напротив, загородив телевизор.

— Давно болит?

— Часа два.

— Опять дрянь всякую ела?

Я нехотя кивнула.

— Таблетку пила уже?

— Нет.

Папа сходил на кухню и вернулся с таблеткой и стаканом воды.

— Держи, выпей, должно помочь. Я сейчас на рыбалку уеду. Мама не знаю где, но скоро должна прийти уже, наверно.

Я запила таблетку и устроилась на диване так, чтобы меньше ощущать боль. Но поза, в которой мне было удобно, вдруг перестала приносить облегчение, и, как бы я ни старалась подтянуть ноги, чтобы ослабить боль, все было бесполезно, резь не проходила. Вдруг я поняла, что за последние два часа она усилилась. Это не было похоже на то, что я когда-либо чувствовала раньше.

В глубине квартиры слышались торопливые папины шаги. Он чем-то гремел на кухне, собираясь на рыбалку. Вечернее солнце мягко заливало комнату. С улицы через распахнутое окно доносился детский визг. А мне все еще было больно. Вдруг стало страшно.

— Я поехал! — донеслось из коридора.

— Папа! Пап!

Тот вошел в зал, одетый в свою рыбацкую одежду.

— Что?

— Не проходит.

Папа помолчал, глядя на меня.

Буря

— Еще таблетку дать? — наконец сказал он.

Я пожала плечами.

— Или скорую? Тебе очень больно?

— Я не знаю... Не проходит, — повторила я.

Папа вздохнул, вышел в коридор и вызвал скорую.

— Да, боли в животе... Да, таблетку давали...

Шестнадцать лет... Спасибо, ждем.

От этого простого разговора мне стало еще страшнее. Ладонки и стопы похолодели и вспотели. Я чувствовала, что что-то не так. Мне еще никогда не вызывали скорую, и я боялась, что меня заберут в больницу. Никогда не любила ночевать где-то вне дома, даже в лагеря не ездила. А в больнице лежала только один раз, в детстве. Мне делали операцию, когда случился заворот кишок. Но мне тогда было девять месяцев, и я ничего не помнила.

Пока скорая ехала, папа смотрел вместе со мной телевизор и говорил, что наверняка у меня ничего серьезного, что мне сейчас поставят укольчик и все пройдет. От этих слов и от бодрого голоса отца становилось легче, тревога отступала.

Но вот дикий писк домофона раздался в квартире. Папа пошел открывать. Затаив дыхание я слушала, как он говорит:

— Здравствуйте. Вот сюда...

Молодой уставший мужчина и пухлая женщина с растрепанными волосами вошли в комнату, мне стало еще беспокойнее. Их приход словно окрасил светлый, яркий, солнечный день в серые тона и сделал происходящее по-настоящему страшным.

Врач попросил меня лечь прямо и расслабить живот. Для меня это было тяжело и больно, но я справилась.

— Что ела сегодня? — спросил он, нажимая на живот.

— Бутерброды утром. И гамбургеры с колой потом еще.

Врач кивнул. Ему стало все понятно. Он вздохнул, открыл свой чемоданчик и достал шприц.

— Сейчас сделаем укол, в течение получаса все должно пройти. Аллергии нет никакой?

Папа покачал головой.

Через некоторое время скорая уехала и я, ободренная тем, что ничего серьезного со мной не случилось и что меня не увезли в больницу, стала радостно смотреть телевизор, ожидая, когда боль стихнет.

— Так, ну я поехал тогда, — сказал папа бодро. — Мама скоро должна прийти.

Я кивнула, но потом вдруг испугалась, что живот не пройдет и нужно будет снова вызывать скорую, а папы не будет рядом.

Буря

- Не уезжай, пожалуйста, — попросила я.
- Так все ведь хорошо, чего ты боишься?
- Ну пожалуйста!

Папа посмотрел на меня, вздохнул и поставил удочки в угол. Затем подтащил ближе к дивану кресло и сел рядом с моей головой. Рука его теперь лежала на моей макушке и ласково гладила меня.

Мы вместе смотрели сериал. Папа смеялся, а я торопила минутную стрелку, чтобы лекарство поскорее подействовало и боль утихла. Но, когда прошли обещанные полчаса, легче не стало, и даже следующий час не принес облегчения.

От боли я заплакала.

- Что, Вер, не легче? — забеспокоился папа.

Звонок домофона в этот раз показался мне особенно резким, что-то внутри отозвалось на него сильной режущей болью. Папа ушел открывать маме, а когда вернулся, нашел меня скрутившейся в комочек и тихонько постанывающей. Вдруг я почувствовала нежную ладонь на щеке — это обеспокоенная мама села рядом на диван.

— Три часа уже не проходит... — переговаривались родители, — надо снова звонить...

Вызвали скорую.

Приехал тот же самый врач и, по-прежнему уверенный, что дело в гамбургерах и бутербродах, сделал мне еще один укол. В первое мгно-